

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4398

Воскресенье, 13^{-го} Сентября, 1898 г.

№ 4398.

ПЕЧЕНЬЯ ЯБЛОКИ.

Франсуа Коппе.

Сморщенные, покрытыя липкимъ глянцемъ, и потемнѣвшія отъ жары яблоки тихонько шипѣли на маленькой фаянсовой печкѣ, у дверей повзрачной фруктовой лавочки на Сенской улицѣ. Они, какъ и столько другихъ печеныхъ яблокъ, служили-бы, безъ сомнѣнія, десертомъ въ скромной трапезѣ какой-нибудь рабочей семьи, если-бы у актрисы Сильвандиры, „первой любовницы“ театра „Одеонъ“, проѣзжавшей въ своей шикарной виктории и случайно замѣтившей дымившуюся печку, не явился странный, почти дикій капризь.

Къ великому изумленію старой торговки, элегантный экипажъ

Идилія на Штаренбергскомъ озерѣ. — Императоръ Францъ-Иосифъ со своей невѣстой принцессой Елизаветой.

остановился передъ лавочкой, изъ него выпала великолѣпная дама, сняла перчатку съ правой руки и, не стѣсняясь, занявъ весь узенькій тротуаръ своимъ пышнымъ платьемъ, принялась за печенья яблоки. Она съѣла одно, другое, третье, сверкая бѣлыми зубами и обнаруживая чисто демократическій аппетитъ.

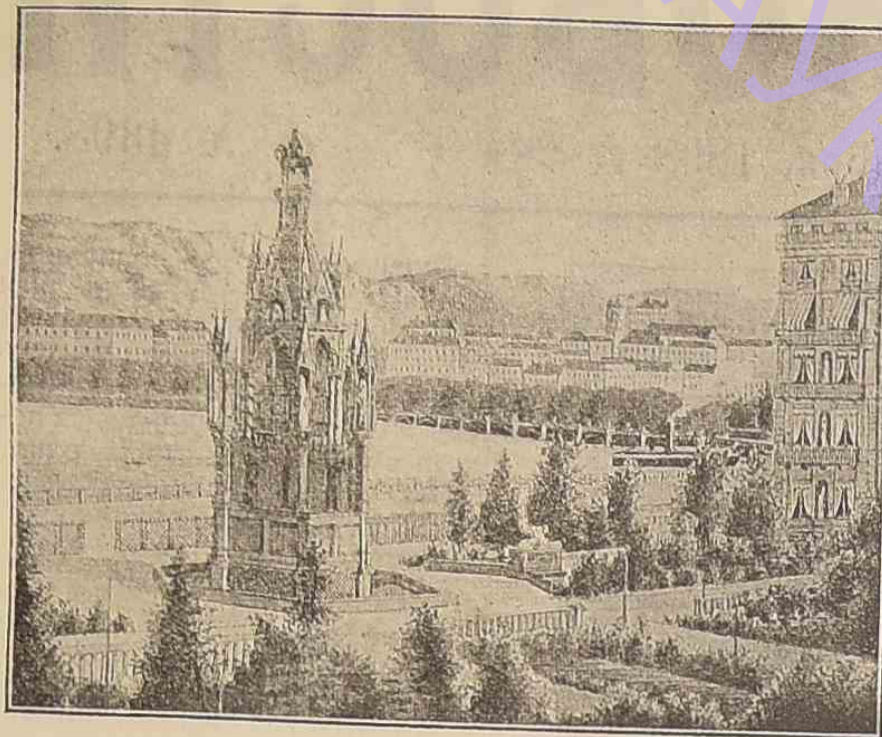
Въ эту самую минуту по улицѣ проходилъ высокій, уже не молодой, но еще крѣпкій господинъ. Съ высоко поднятой головой, съ толстой сигарой въ зубахъ, онъ шелъ заложивъ руки въ карманы своего пальто, украшеннаго орденомъ ленточкой. Повстрѣявшись съ актрисой, онъ вдругъ остановился и разразился громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Императрица австрійская Елизавета.
(Съ послѣдняго фотографич. снимка въ Вѣнѣ).

Императрица Елизавета на о. Корфу, въ замкѣ «Ахиллеонъ».

Женева. — Мѣсто, гдѣ было совершено убійство императрицы Елизаветы. — даромъ. Сильвандира, дѣйствительно, была

превосходная актриса, но главнымъ же образомъ, успѣхъ былъ вызванъ особеннымъ „роковымъ“ взглядомъ, которымъ она подчеркивала фразу — „быть можетъ“ въ концѣ третьяго акта „Маленькой баронессы“. Одного этого взгляда, который былъ перломъ разврата и „бова-ризма“, взгляда, выразившаго и резюмировавшаго всю грязную поэзію адюльтера, было совершенно достаточно для того, чтобы преобразовать захудалый „Одеонъ“ и превратить его въ изящный залъ rendez-vous, сдѣлать его центромъ блестящей „haut-vie“. Изумленный, почти ошеломленный первоначально этимъ успѣхомъ, директоръ театра во время однако схватился за умъ и быстро

сумѣлъ встать на высоту своего положенія. Чтобы заполнить длинные антракты „Маленькой баронессы“, — пьеса, въ общемъ прелестная, состояла изъ четырехъ картинъ, отъ двадцати пяти до тридцати минутъ каждая — онъ заставилъ играть оркестръ, но не старый одеоновскій оркестръ, который дальше забъженныхъ вальсовъ не шель, а новый, составленный изъ прекрасныхъ музыкантовъ, съ солиднымъ репертуаромъ и безукоризненнымъ ансамблемъ. Дамы могли теперь въ своихъ ложахъ болтать и уничтожать конфеты то подъ мелодичное щебетаніе ласточекъ Гайдна, то подъ трели моцартовскихъ соловьевъ.

Велибы только не боязнь потерять правительственную субсидію, то директоръ, окончательно опьяненный неслыханнымъ успѣхомъ, непременно помѣстилъ бы на своей афишѣ — на строгой классической афишѣ „Одеона“ слѣдующій анонсъ:

„Ежедневно вечеромъ, безъ четверти одиннадцатаго, — взглядъ м-ле Сильвандира“.

„Маленькая баронесса“ шла шесть-десять пятый разъ. Актриса переодѣвалась къ третьему акту — акту „взгляда“ — роскошная брюнетка съ голыми плечами и руками, наклонила голову и готова была уже нырнуть въ какую-то воздушную юбку, которую держала передъ ней горничная, когда Цезарь Може вошелъ въ ея уборную, вошелъ вполне sans façons — не давъ себѣ даже труда постучаться.

Сильвандира слегка вскрикнула, но писатель поцѣловалъ ее въ кончикъ уха и, спокойно закуривъ сигару о газовый рожокъ туалета, опустился на стоящій тутъ-же диванчикъ. Онъ снялъ

Женева. — Мостъ близъ отеля Боринажъ.

Сильвандира, что я вижу? „Первая любовница“ — вѣсть печеная яблоки!.. Актриса обернулась и узнала острую бородку и смѣшную физиономію знаменитаго драматурга Цезаря Може, бѣлаго и дерзкаго сатирика, того Може, каждая пьеса котораго была триумфомъ и скандаломъ въ одно и то же время. Може, котораго современная публика обожала такъ-же, какъ нѣкоторыя женщины обожаютъ любовниковъ, которые ихъ бьютъ.

Воспоминаніе дѣтства, дорогой учитель, — весело отвѣтила „первая любовница“, дѣлая комической реверансъ театральному пашѣ. — Ахъ, это напоминаетъ мнѣ тѣ дни, когда я носила еще въ волосахъ красную ленточку и жила у папаша... Онъ былъ угольщикъ и потчивалъ меня здоровыми тумачами каждый разъ, когда я возвращалась съ Val-Favier ровно черезъ сутки... Да, мой милый, какъ видите, я не всегда была une grande artiste, какъ говорятъ въ моемъ родномъ предметѣ, и не со дня рожденія живу съ утонченнымъ и изысканнымъ русскимъ князькомъ. Вы знаете, онъ зоветъ меня „madame“, даже отходя ко сну... Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ мнѣ съ удовольствіемъ вспоминать мое прошлое, увѣряю васъ...

Откровенный цинизмъ актрисы заставилъ улыбнуться писателя, — этого истаго парижанина, развращеннаго до мозга костей.

— Говорятъ, ты имѣешь сумасшедшій успѣхъ въ „Маленькой баронессѣ“? — спросилъ онъ ее, когда она, расплатившись съ торговкой, уже сѣла въ карету и застегивала перчатку.

— Говорятъ? — вскричала она, — говорятъ! Да развѣ вы то не были на первомъ представленіи?

— Нѣтъ. Я почти никогда не бываю въ „Одеонѣ“.

— Ну, такъ пріѣзжайте, — посмотрѣть стоить, даю вамъ слово... До свиданья!

шляпу и уставился своими стальными острыми глазами на актрису.

— Сильвандира, — сказалъ онъ, — хочешь играть здѣсь, въ Одеонѣ, первую роль въ моей пьесѣ? Въ той самой, которую я намѣревался поставить въ „Водевиль“?

Это было все равно, что спросить у провинціальнаго священника, хочеть ли онъ быть папой.

Сильвандира была ослѣплена. Бросивъ платье горничной, она однимъ прыжкомъ очутилась на диванѣ, обняла шею театральнаго полу-бога руками, и почти голая, съ распахнутымъ корсетомъ, съ чарующей улыбкой яркихъ губъ, она прильнула къ нему, задыхаясь, едва въ состояніи проговорить.

— Хочу-ли я? Но тотчасъ-же откинулась отъ него, и, спокойная, сразу овладѣвъ собою, она прибавила холоднымъ, ледянымъ тономъ:

Сильвандира; — каждый разъ, возвращаясь съ репетицій, я ѣмъ ихъ.

Цѣлыя двѣ недѣли Цезарь Може ходилъ ежедневно въ „Одеонѣ“ и, спрятавшись въ тѣни своей ложи, изучалъ игру Сильвандира. Сомнѣній больше быть не могло — это была восходящая „звѣзда“, и ему оставалось только вернуть свою пьесу изъ театра „Водевиль“.

Во время отсутствія на сценѣ Сильвандира писатель, нисколько не интересовавшийся пьесой, которую онъ volens-nolens уже выучилъ наизусть, занимался наблюдениемъ, чтобы какъ-нибудь убить время. Предметомъ этихъ наблюдений былъ однако не залъ, совершенно ему изъ ложи не видный, а музыканты оркестра, обновленнаго директоромъ въ честь и за счетъ модной пьесы.

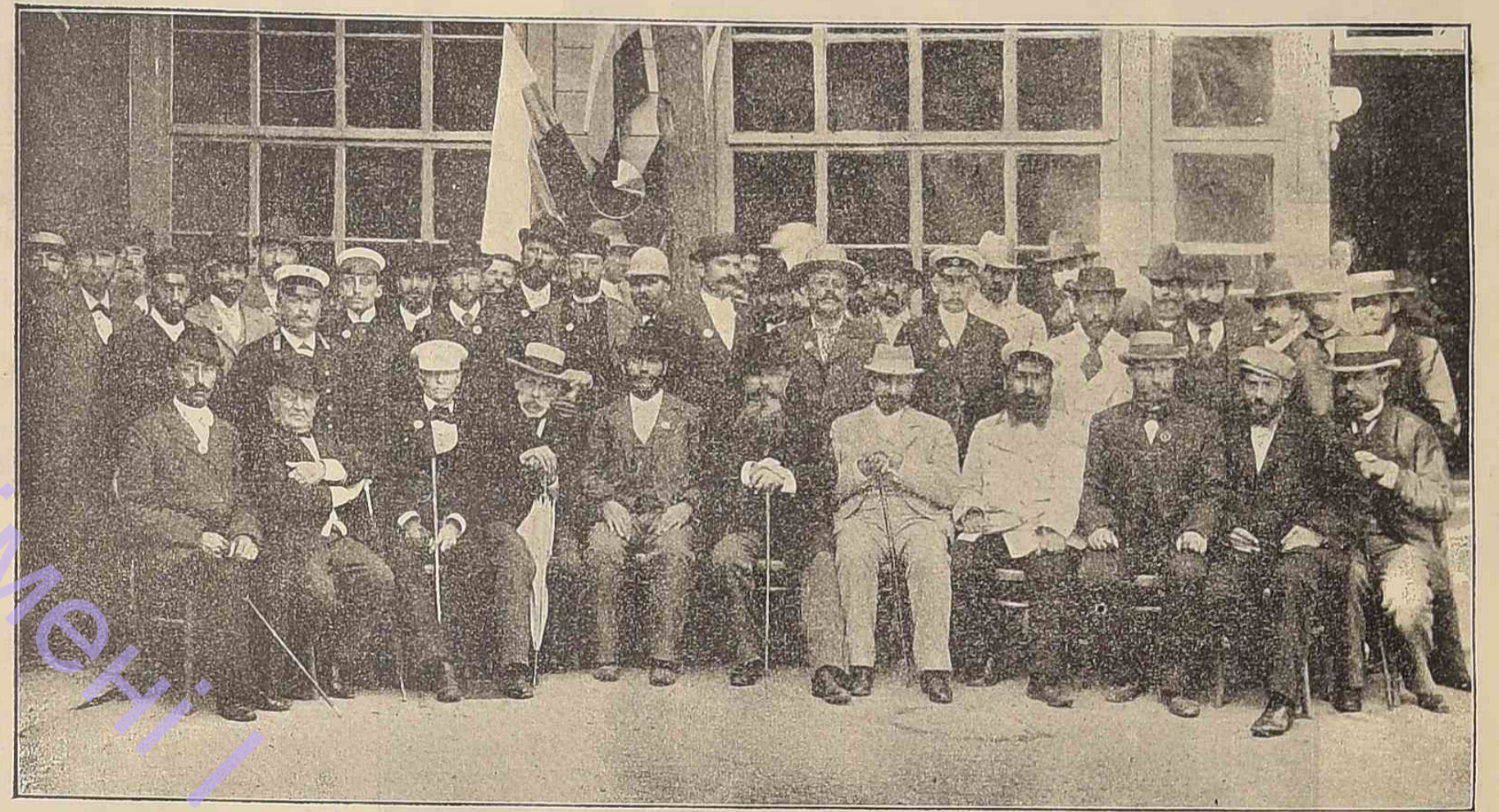
Капельмейстера Може зналъ хо-

линый профиль талантливаго старика, въ старомъ сюртукѣ.

Другіе музыканты не представляли рѣшительно ничего особеннаго — ни первая скрипка, со своимъ бѣлымъ фуляровымъ галстухомъ и шевелюрой сумасшедшаго фотографа, ни контрабасъ — старый, плѣшивый, съ шумомъ нюхающей табакъ, ни флейта, наконецъ, по-видимому, изъ отставныхъ военныхъ, съ жесткими жандармскими усами.

Только одинъ изъ членовъ оркестра заинтересовалъ съ перваго же взгляда наблюдательнаго писателя.

Это былъ альтъ, совсѣмъ еще мальчикъ — едва-ли ему было двадцать лѣтъ — съ прелестнымъ блѣдно-розовымъ лицомъ, казавшимся, благодаря темно-голубымъ глазамъ и пышнымъ, волнистымъ кудрямъ, однимъ изъ портретовъ Бернардино Луини. Въ немъ былъ виденъ истинный артистъ по той смѣлой, нервной увѣренности, съ ко-

Съ фот.ср. „Цорреса“.

— А на какихъ условіяхъ?

У нея было достаточно опыта и знанія кулисъ. Она понимала, что такъ этотъ „генераль отъ сцены“ ей роли не дастъ. Може расхохотался и, затянувшись сигарой, сказалъ:

— Ты рѣшительно не глупа!.. Натягивай свое платье и слушай.

Она торопливо стала застегивать планшетки корсета.

— Кстати, — улыбнулся онъ, — что подѣлываютъ печеная яблоки Сенской улицы?

— О, они великолѣпны, — возразила

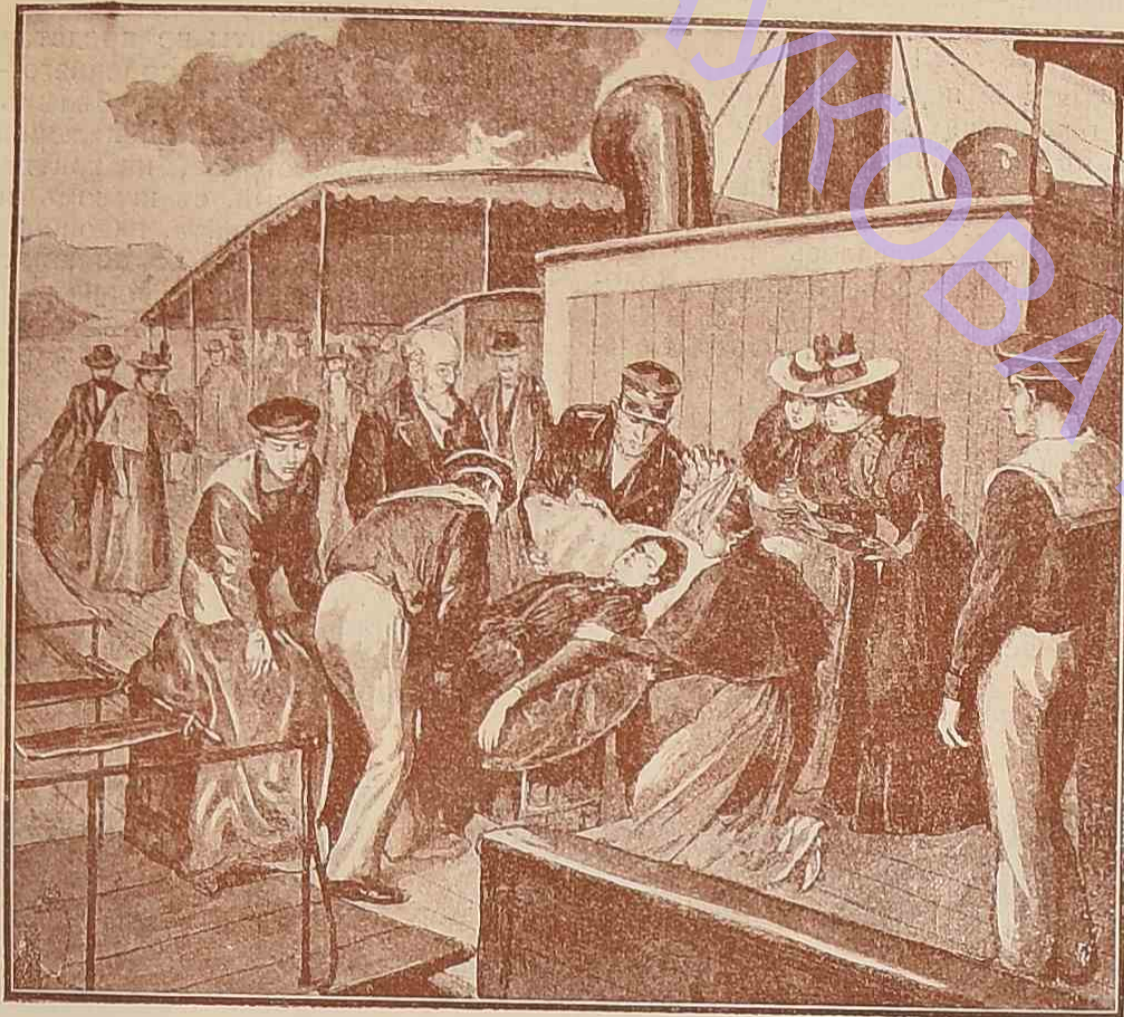
Одесса. — Съездъ садоводовъ и пловодоводовъ.

рошо. Это былъ старый прекрасный симфонистъ Тирманнъ, вынужденный судьбою давать уроки и держать дирижерскую палочку въ маленькихъ театрахъ. Послѣдователь Берліоза, Тирманнъ и участіемъ походилъ на него: „Королева Амазонокъ“, единственная его опера, была двадцать лѣтъ тому назадъ осистана въ Парижѣ, но когда-нибудь, о, онъ увѣренъ! — сдѣлается классической. „Чудаки!“ прошепталъ Цезарь Може, человекъ успѣха и признававшій только одинъ успѣхъ, разглядѣвъ на капельмейстерскомъ мѣстѣ ор-

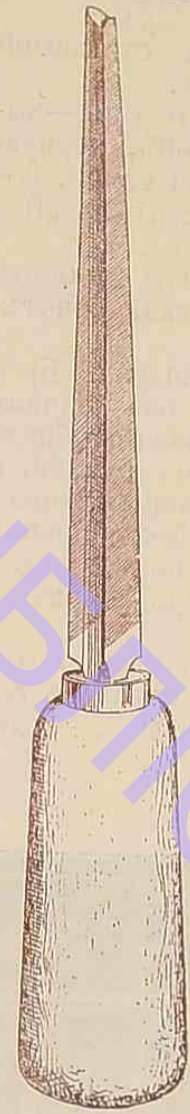
Антонинъ „Одес. Нова“.

торою ходилъ его смычекъ. Бѣдно, но чисто одѣтый, онъ скромно сидѣлъ на своемъ стулѣ со скрипкою, поставленною на колѣно, въ ожиданіи знака капельмейстера. Молчаливый, не обмѣниваясь ни словомъ съ товарищами, не оглядываясь на залъ, онъ словно весь ушелъ въ какую-то тайную, глубокую мысль, придававшую его лицу что-то серьезное, дѣвственно-гордое и дѣтски чистое.

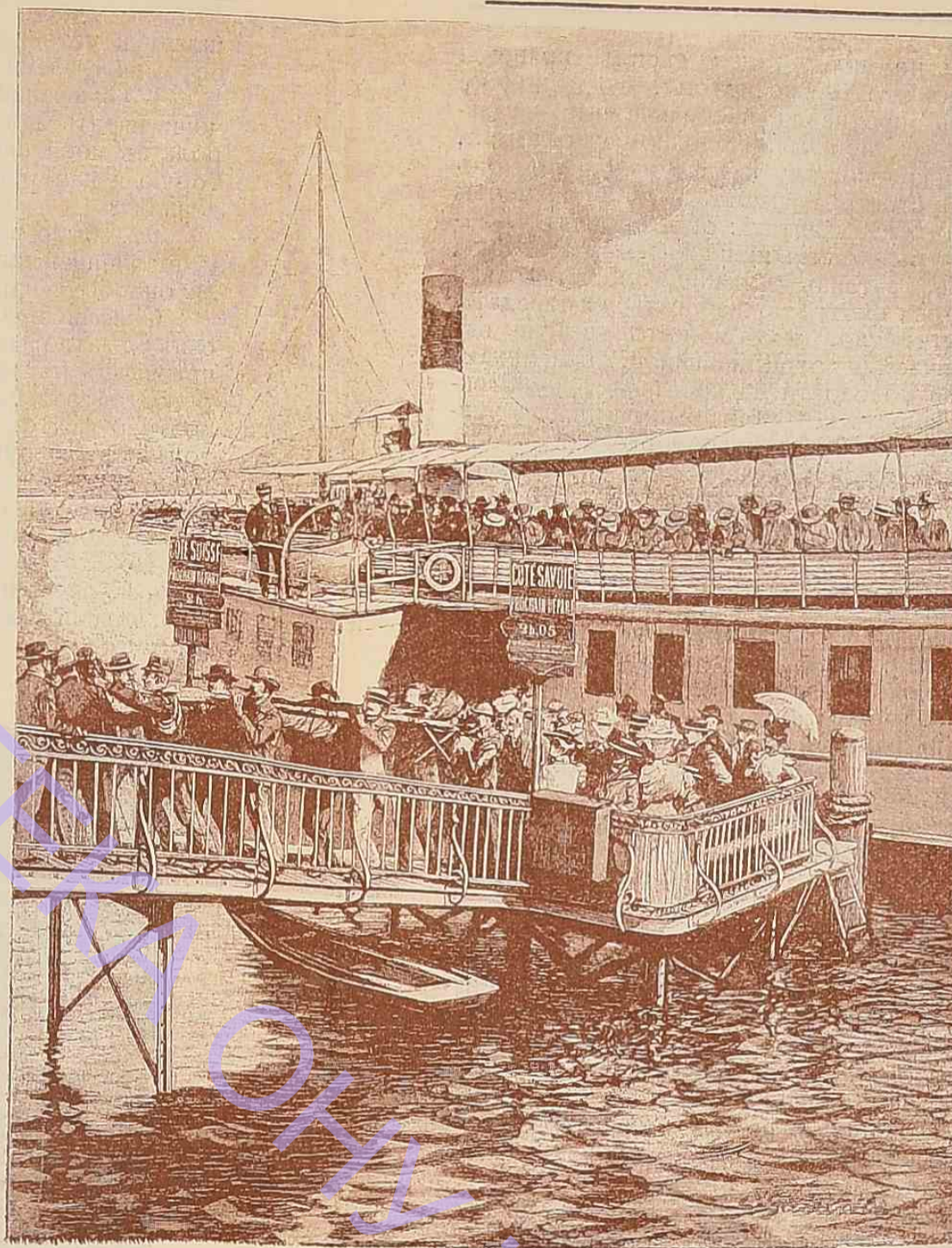
Даже такой скептикъ, такой скупой сердцемъ человекъ, какъ Може, былъ тронутъ этимъ чистымъ, свѣжимъ

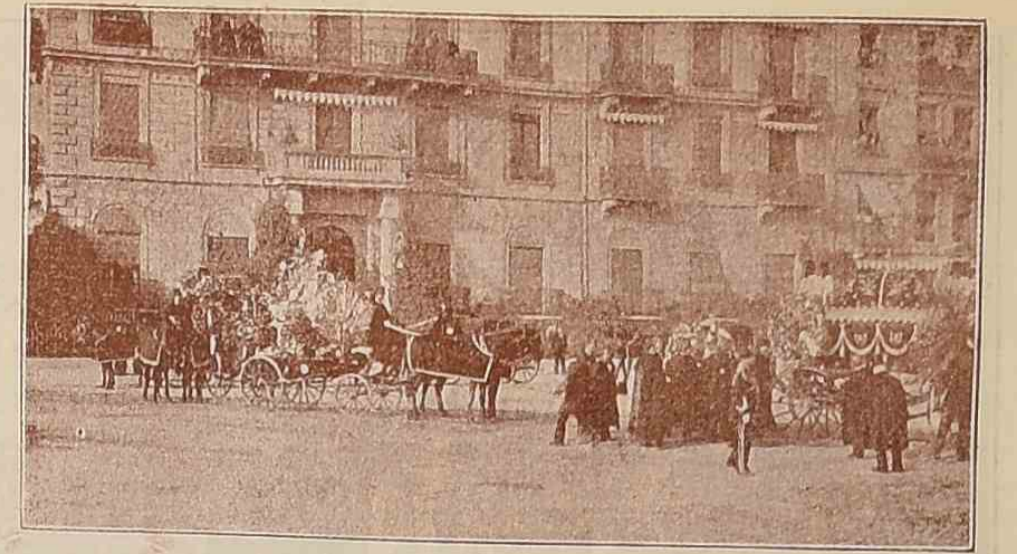
Женева.—Императрица Елизавета, умирающая на пароходѣ.

Орудіе убійства.

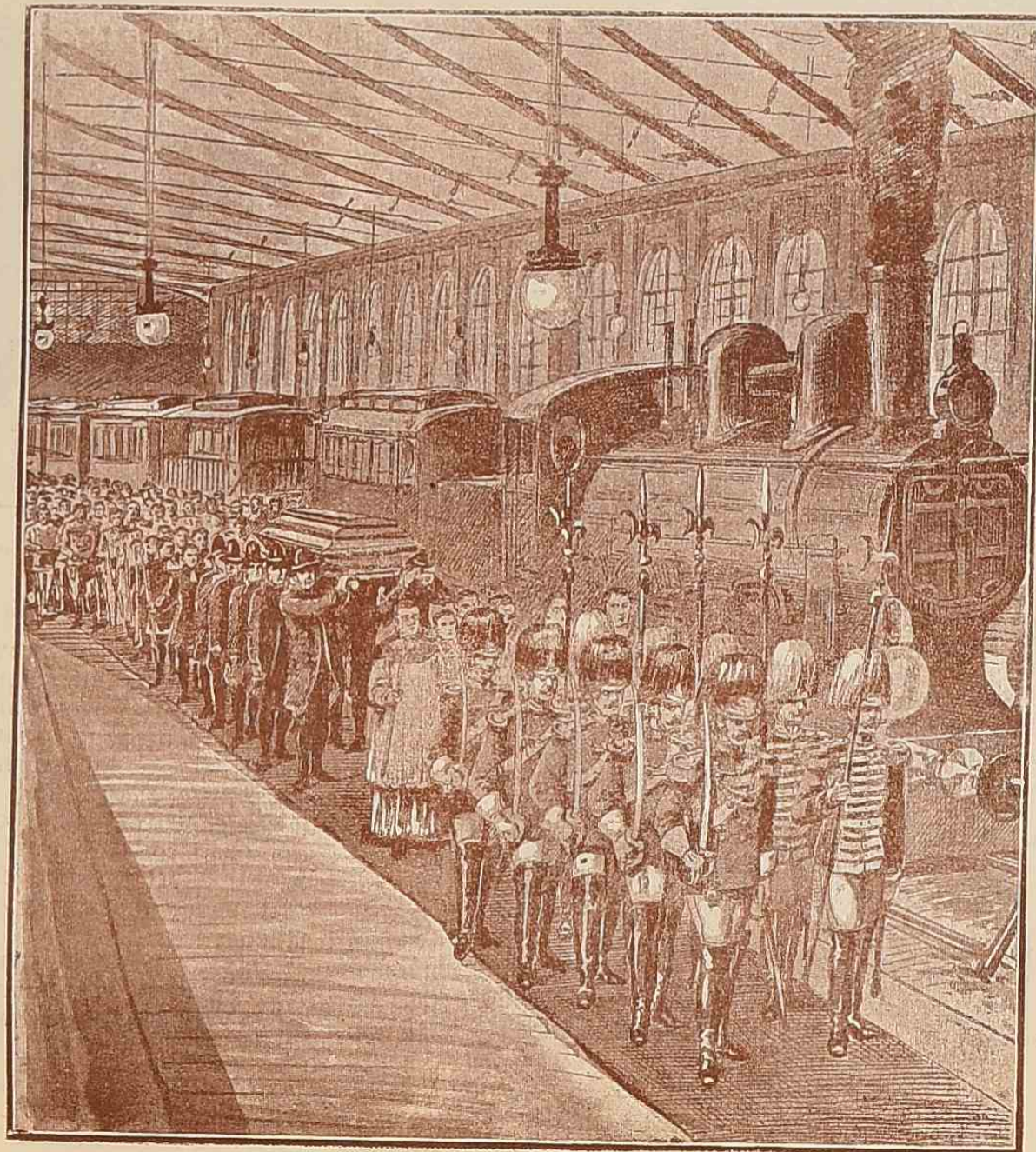
Женева.—Перенесеніе императрицы Елизаветы съ парохода.

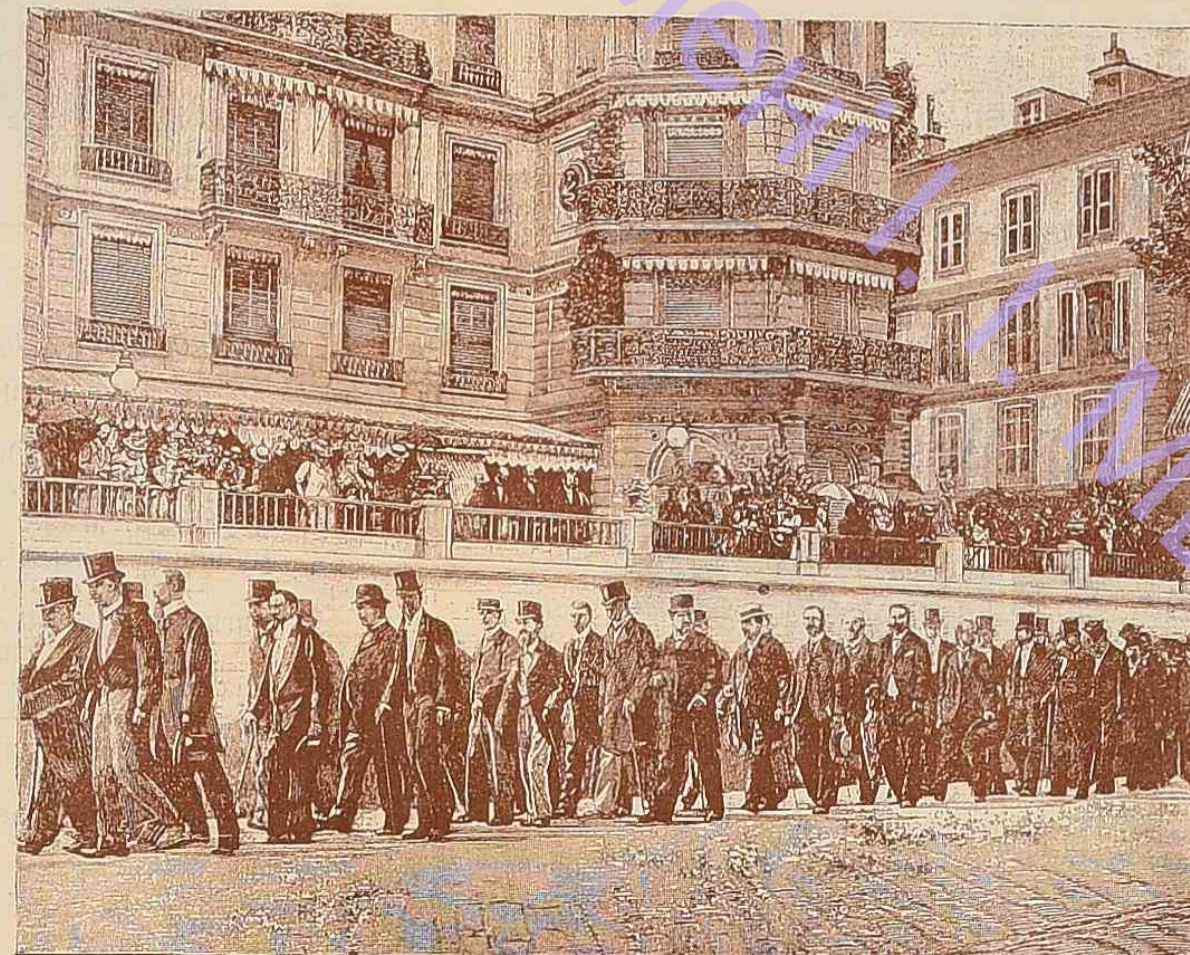
Женева.—Перенесеніе тѣла императрицы Елизаветы на воззаль для слѣдованія въ Вѣну.

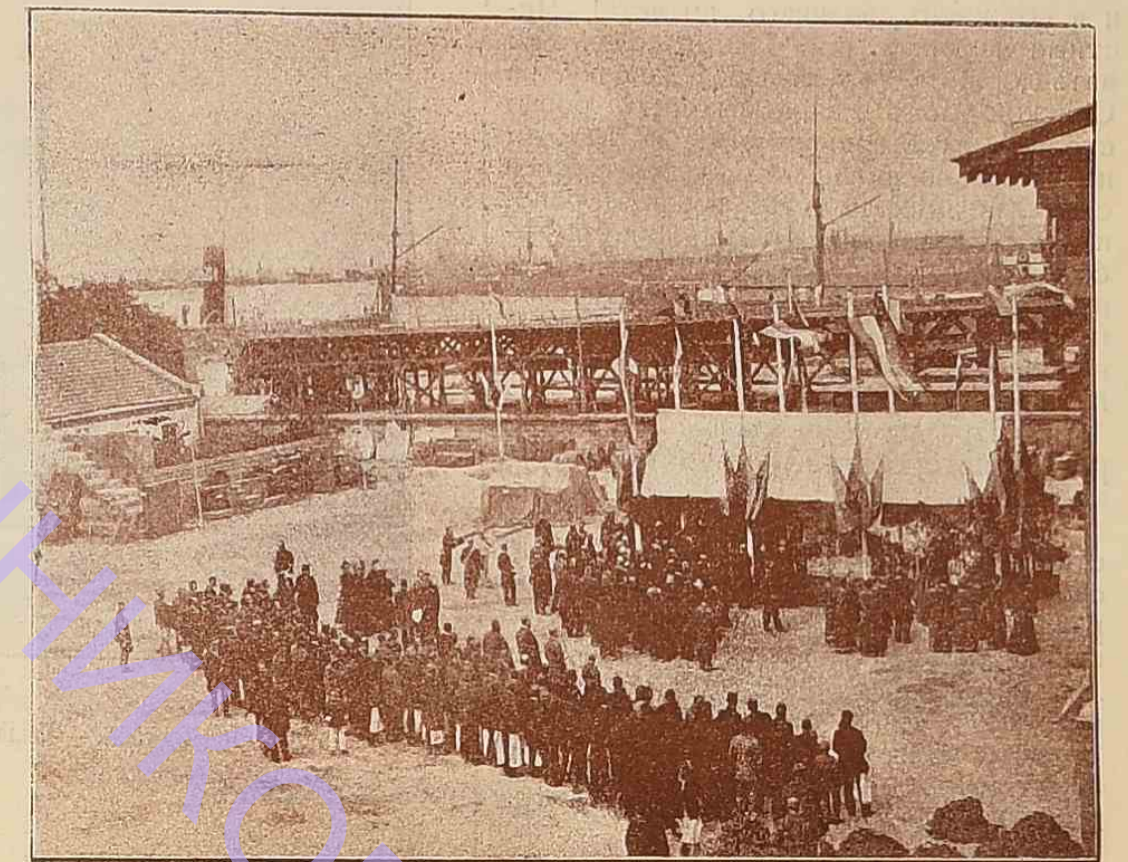
Иерусалимъ.—Новая евангелическая церковь.

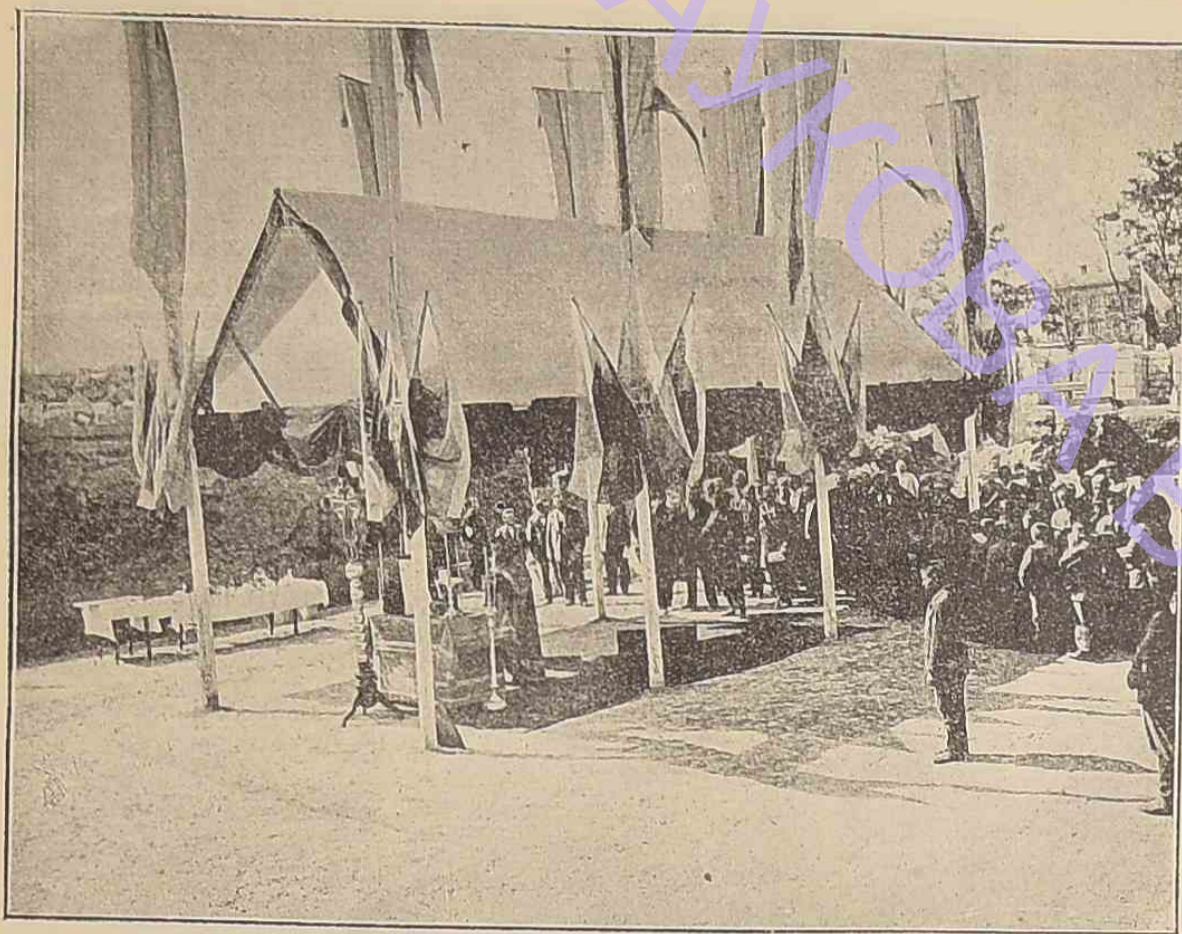
Вѣна.—Прибытіе тѣла императрицы Елизаветы.

Женева.—Траурная манифстація передъ отелемъ Гориважъ, гдѣ покоилсь тѣло императрицы Елизаветы.

Одесса.—На освященіи новыхъ пагаузовъ.

Одесса. — Закладка земского дома.

Съ фотоп. „Прогресс“.

Атоматія „Од. Нов.“.

ребенкомъ. Взглянувъ на него въ моментъ выхода Сильвандиры на сцену, онъ замѣтилъ, что взглядъ юноши жадно замеръ на этой блестящей, ослѣпляющей красотѣ, и на его выразительномъ лицѣ отразилась безграничная нѣжность, упоеніе. Може понялъ: бѣдный ребенокъ любилъ актрису, страстно, преданно и, разумѣется, безнадежно.

Два дня спустя, встрѣтивъ Тирмана на бульварѣ Монмартръ, Може спросилъ его насчетъ молодого музыканта:

— Амедей?—вскричалъ старый маэстро,—вы говорите про Амедея? Прелестное дитя, мой лучший ученикъ!... Запомните это имя: Амедей Марень!... Это имя будетъ именемъ настоящаго, и я убѣжденъ, великаго артиста! Честный мальчикъ, прекрасный сынъ! Его мать держитъ фруктовую лавочку на Сенской улицѣ и зарабатываетъ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду; но бѣдная женщина становится стара и слаба, не можетъ уже вставать рано, и Амедей каждое утро, въ шесть часовъ отпираетъ лавку, растапливаетъ печку, печетъ яблоки, что нѣсколько не мѣшаетъ ему проводить цѣлыя ночи напролетъ надъ пюпитромъ и понимать Баха не хуже меня.

Цезарь Може не ошибся и не даромъ заинтересовался альтомъ одоновскаго оркестра.

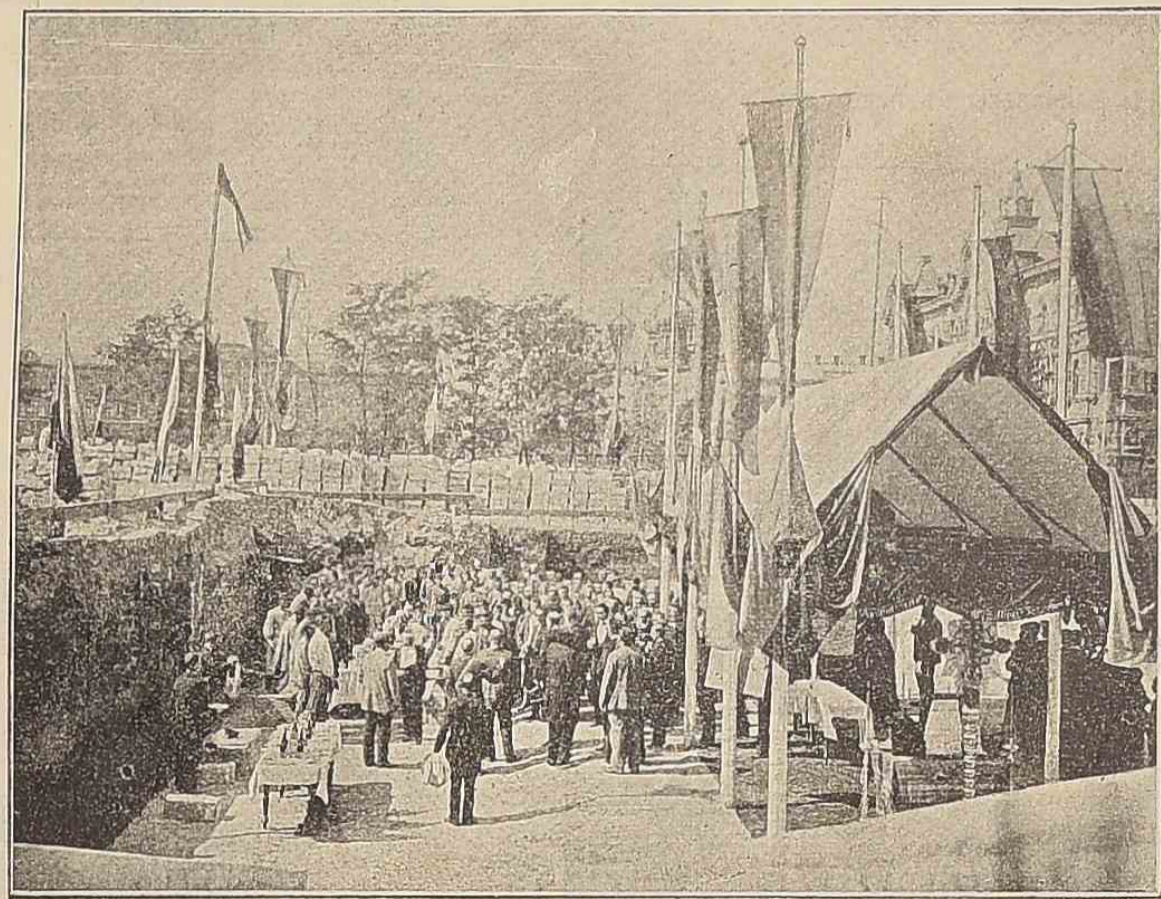
— О, молодость, молодость! думалъ старый султанъ кулись въ глубинѣ своей ложи, слѣдя за Амедеемъ, пожираннымъ глазами Сильвандиру,—какъ ты глупа! Этотъ несчастный музыкантъ, даю голову на отвѣченіе, воображаетъ, что актриса — женщина и что Сильвандира можетъ любить!.. Та самая Сильвандира, которая къ двадцати годамъ уже разорила двухъ крупныхъ бан-

кировъ. Ай-ай! какъ онъ однако впился въ нее глазами!.. Чортъ знаетъ, до чего глупа молодежь, это удивительно!.. И вдругъ неожиданная мысль мелькнула въ этой пресыщенной душѣ. Всѣ актрисы послушны малѣйшему движению его пальца, всѣ онъ—его рабыни, исполнительницы любой его прихоти, каприза, и Сильвандира первая!.. Если

онъ не пользовался своимъ правомъ, такъ это только потому, что давно уже онъ опротивѣли, наскучили ему,—фальшивыя, пошлыя, холодно-развратныя!.. Прекрасно, ему ихъ не надо, но онъ займется реализаціей волшебной мечты этого музыкантика: онъ броситъ Амедея въ объятія женщины, на которую онъ, затаивъ дыханіе, могъ только издали смотрѣть, любоваться и страдать. Интересно, что можетъ выйти изъ сближенія этой невинной, благоухающей молодости съ красавицей, чувствительности которой не превышаетъ чувствительности нероторговца!.. Какъ это устроить? Очень просто.—Цезарь Може дастъ Сильвандирѣ роль въ своей новой пьесѣ только подъ этимъ условіемъ. Это будетъ забавно,—нѣчто вроде дон-Саллюстія, показывающаго королеву Рио-Блазу. Сытъ торговки, у которой Сильвандира ѣстъ печенныя яблоки, будетъ обладателемъ самой шикарной куртизанки Парижа! И Може довольно улыбался. Вотъ почему въ тотъ самый вечеръ, когда онъ былъ, съ сигарою въ зубахъ, въ уборной Сильвандиры, актриса уронила свой знаменитый взглядъ третьяго акта на молоденькаго музыканта, и онъ, задрожавъ и поблѣднѣвъ, закрылъ глаза, готовый умереть отъ счастья.

III.

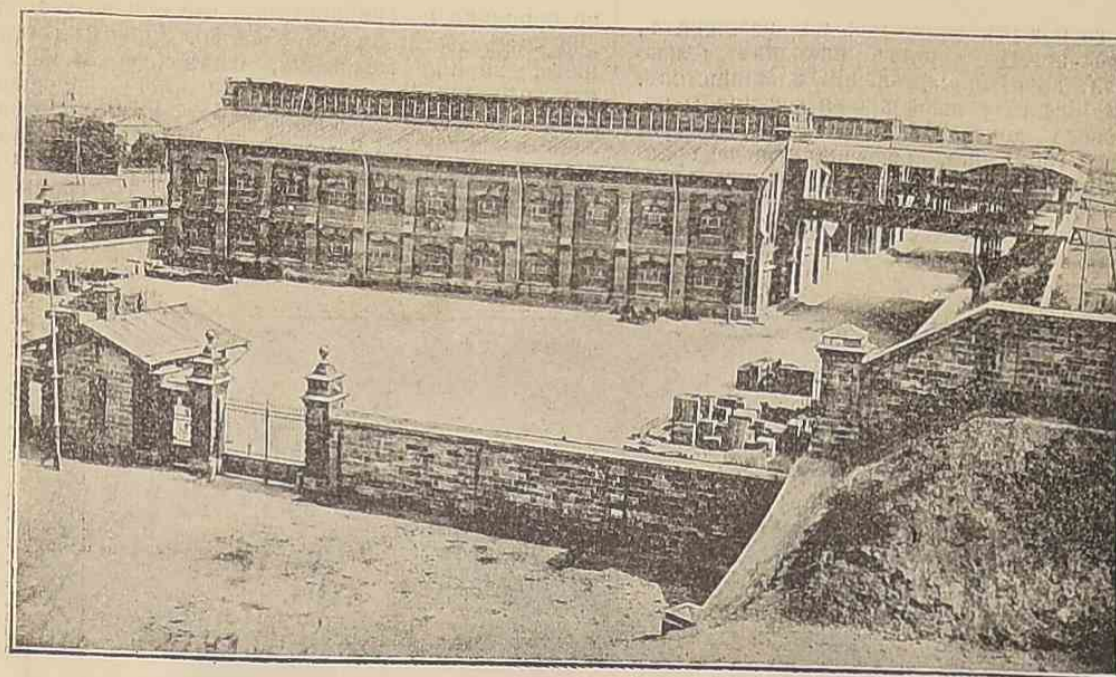
Когда Може въ первый разъ увидалъ въ уборной Сильвандиры маленькаго Амедея, забившагося въ уголокъ дивана и оттуда, среди груды разбросанныхъ юбокъ, смотрѣвшаго возбужденными, опьяненными страстью глазами на мраморныя шею и плечи полураздѣтой красавицы, старый развратникъ по-

Одесса. — Закладка земского дома. — Утоеніе рабочихъ.

Съ фотоп. „Прогресс“.

Атоматія „Од. Нов.“.

Одесса. — Новые таможенные пакгаузы.

чувствовалъ что-то вроде удовлетворенной гордости. Вотъ что значить талантъ и извѣстность! Одно слово—и этотъ бѣдный мальчикъ погрузился въ волшебное-сказочный сонъ.

Онъ вмѣстѣ съ нею вышелъ изъ уборной и проводилъ ее за кулисы. Прощаясь, она взглянула ему въ глаза и залилась своимъ дразнящимъ и вызывающимъ смѣхомъ.

— Что за шалашъ фантазія пришла вамъ, сказала она,—разыграть роль бога Меркурія для этого мальчугана! Но если вы хотѣли взбѣсить меня—а вы вѣдь злы, какъ демонъ,—то разочаруйтесь, мой милый,—вамъ это не удалось! Онъ мнѣ нравится, этотъ ребенокъ... Да и сказать правду—онъ явился очень кстати!.. Нѣсколько времени тому назадъ Лимановъ заявилъ мнѣ, по обыкновению цѣля слова сквозь зубы: «Ma tchère... j'avais besoin... de quelques semaines de... vacances...» Я его выпроводила за дверь, и малюткѣ нашлось свободное мѣстечко. Онъ прелестенъ, съ его головой rifera!.. И потому онъ забавенъ; у него бываютъ вспышки самолюбія, ревности, гнѣва, и это мнѣ нравится, да! Всѣ эти глупости пощипываютъ меня немножко за сердце!.. Иногда въ моемъ будуарѣ онъ дѣлается какъ-то печаленъ, такъ и напоминаетъ мнѣ того соловья, котораго я видѣла у Коломбы въ клѣткѣ. Знаете, мнѣ почти жаль его, когда онъ падаетъ къ моимъ ногамъ и отпускаетъ свою голову ко мнѣ на колына,—это... это...

Она задумалась и прибавила тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Бѣдный мальчуганъ!..

Сильвандира замолчала, а Може закусила свои тонкія губы—въ немъ просыпалось чувство, близкое къ зависти: онъ могъ быть только зрителемъ молодой любви.

Черезъ мгновеніе Сильвандира уже смѣялась.

— Ба! Это маленькій рефлексъ юности!.. Скажите, Може, это не отъ печеныхъ ли яблокъ?

Два дня спустя, ему было уже не до этихъ глупостей. Его новая комедія

„Биржевой король“ разучивалась, и онъ весь отдался репетиціямъ, охваченный вѣчною жаждою денегъ и славы.

Но пьеса, сверхъ всякаго ожиданія, провалилась, т. е. почти провалилась. Талантъ Може словно ослабѣлъ въ ней. Да и Сильвандира была не выше посредственности въ роли, совершенно къ ней не идущей. Усталый, взбѣшенный и разстроенный, Може, жалуйсь на схватки стараго ревматизма, отправился на солдцекъ Ниццы, гдѣ и остался до конца зимы.

По возвращеніи въ Парижъ, первое знакомое лицо, на которое онъ наткнулся, былъ Тирманъ. Видъ стараго музыканта напомнилъ ему объ Амедеѣ. Онъ спросилъ о молодомъ альтѣ.

— Амедей!—сказалъ маэстро, и его блѣдное и худое лицо подернулось грустью,—о, это печальная и тяжелая исторія, и мы сдѣлаемъ лучше, если поговоримъ о чемъ нибудь другомъ... Представьте себѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ... да какъ разъ въ то время, когда давали вашу послѣднюю пьесу,—онъ совсѣмъ сошелъ съ ума отъ любви къ этой Сильвандирѣ, знаете—

первая любовница!.. Главное несчастье въ томъ, что она по какому то капризу обратила вниманіе и отвѣтила ему. Подумайте только, наивный ребенокъ, талантливый артистъ, чистый, дѣтски невинный—въ рукахъ этой твари!.. Нѣжная лилія въ грязномъ ушатѣ! Сначала она бросила ради него Лиманова, потомъ вернула, и бѣдный Амедей очутился въ положеніи того любовника, котораго обнимаютъ въ дверяхъ и прячутъ въ корридорѣ. Бѣдный мальчикъ не вынесъ и ушелъ съ разбитымъ сердцемъ. Онъ скривился въ маленькой лавчонкѣ со своею матерью. Онъ ушелъ, но забыть этой женщины не могъ. Онъ ушелъ для всего, и для музыки тоже. Разъ какъ-то я зашелъ къ нему, и меня просто испугалъ его страшно возбужденный видъ: его терзала самая жестокая и самая ужасная изъ всѣхъ горячекъ—горячка любви... Да, музыкантъ не долженъ имѣть другой любовницы, кромѣ фуги Баха или одной изъ партитуръ Глюка,—честное слово!

Може почувствовалъ что-то вроде угрызения совѣсти, но онъ былъ слишкомъ эгоистъ для того, чтобы поддаться этому чувству.

„Отъ этого не умираютъ“,—рѣшилъ онъ, и этимъ кончилисъ его думы о маленькомъ музыкантѣ.

Зимой въ „Bal des artistes“ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Сильвандирой, прелестной, какъ никогда, въ красномъ костюмѣ догарессы съ цѣлымъ моремъ брилліантовъ.

— Ба! дорогой учитель!—вскричала красавица:—мой акціи совсѣмъ упали со времени „Короля биржи“!.. Ей Богу, это не моя вина, если мы тогда провалились. Давайте мнѣ другую роль и мы, клянусь вамъ, добьемся реванша!

Писателя неспроста укулоло воспоминаніе о провалѣ пьесы, и онъ только промычалъ что-то непонятное. Потомъ, чтобы сказать что-нибудь, онъ спросилъ ее своимъ обычнымъ рѣзкимъ и циничнымъ тономъ:

— Ну, какъ твои сердечныя дѣла?

— Ни-ни! Это кончено. Отпускъ прошелъ, и я снова на службѣ,—отвѣчала актриса, поправляя брилліанты,

Одесса. — Новые таможенные пакгаузы.

сверкавшие на ее роскошной груди. — Новый презент Лиманова видите?... Да, бывшая гризетка умерла и погребена окончательно. Амедей это был послѣдній!... Кстати, Може, помните, вы меня встрѣтили разъ передъ лавочкой, на Сенской улицѣ? Ну такъ вотъ, подъѣзжаю я разъ къ ней, а лавка заперта и на дверяхъ прибитъ уже билетъ... Не успѣла я отъѣхать и сотни шаговъ, какъ встрѣтила и торговку, — она, въ траурѣ, шла позади бѣднаго гроба!.. И такъ, если мнѣ опять захочется печеныхъ яблокъ, то тамъ ихъ уже больше нѣтъ... А жаль, — яблоки были прелестны!...

Новая церковь въ Иерусалимѣ.

19-го (31) октября, въ присутствіи германскаго императора, состоится торжественное освященіе новой евангелической церкви въ Иерусалимѣ. 29 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ кронпринцъ Фридрихъ, объѣзжавшій Священную Землю въ качествѣ германскаго рыцаря, получилъ въ подарокъ отъ султана мѣстность, на которой воздвигается теперь новая церковь. Планъ постройки началъ былъ архитекторомъ еще въ 1871 г., но въ виду переговоровъ евангелической общины съ Англіей, былъ законченъ только въ 1893 г. Въ томъ же году состоялась закладка церкви. Церковь отличается необыкновенной простотой и построена въ нормандскомъ стилѣ. Верхняя часть вмѣстѣ съ куполомъ возведена въ арабскомъ стилѣ. Церковь имѣетъ 50 метровъ въ вышину и представляетъ величественное зрѣлище

Разные разности.

Сила привычки. Львовская газета „Przeglad“ рассказываетъ о слѣдующемъ оригинальномъ случаѣ, происшедшемъ въ одномъ изъ городовъ Галиціи. Судья П. былъ приглашенъ на вечеръ, на которомъ путешественникъ Д. долженъ былъ прочесть описаніе своего путешествія. Читаніе путешествія продолжалось долго, и судья П., утомленный зубнымъ разбирательствомъ въ своей камерѣ, незамѣтно для себя крѣпко уснулъ. Путешественникъ рассказалъ какой то бившій съ нимъ случай, который возбудилъ громкій смѣхъ въ публикѣ. Судья проснулся и строгимъ взглядомъ окинувъ присутствующихъ, заявилъ:

— Напоминаю, что публикѣ не дозволено заявлять своего одобренія, и если это повторится, то я прикажу очистить отъ нея судебную камеру.

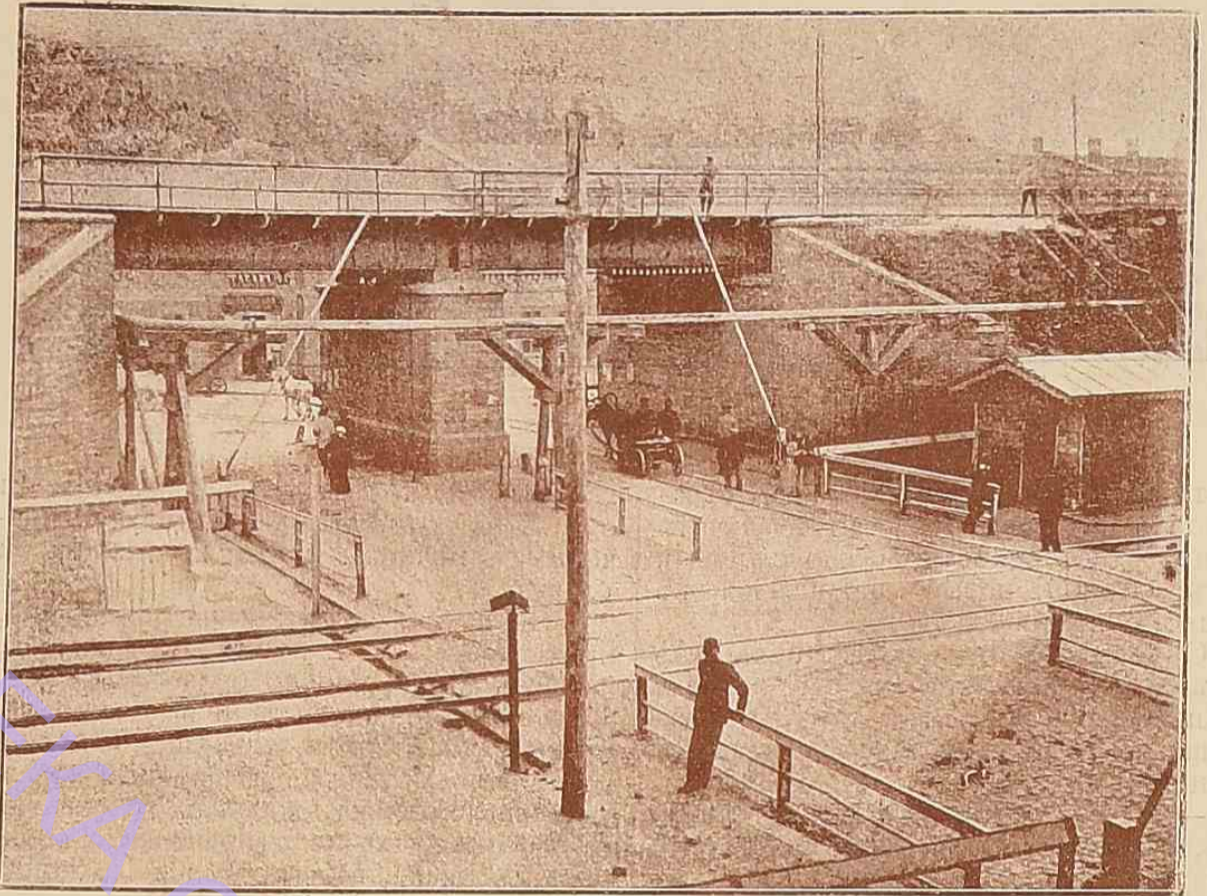
Послѣ этого заявленія судьи между присутствующими мгновенно водворилось полное молчаніе, которое чрезъ минуту было прервано единодушнымъ смѣхомъ. Судья успѣлъ окончательно проснуться и страшно сконфузился.

Бой акстовъ съ орлами. Въ окрестностяхъ Монастыря въ Македоніи разыгралось недавно настоящее сраженіе между акстами и орлами. Битва, въ которой участвовали тысячи птицъ, длилась цѣлый день; аксты были разбиты и поле было усыяно ихъ тѣлами. Суевѣрное населеніе видитъ въ этой битвѣ предвѣстникъ страшныхъ войнъ.

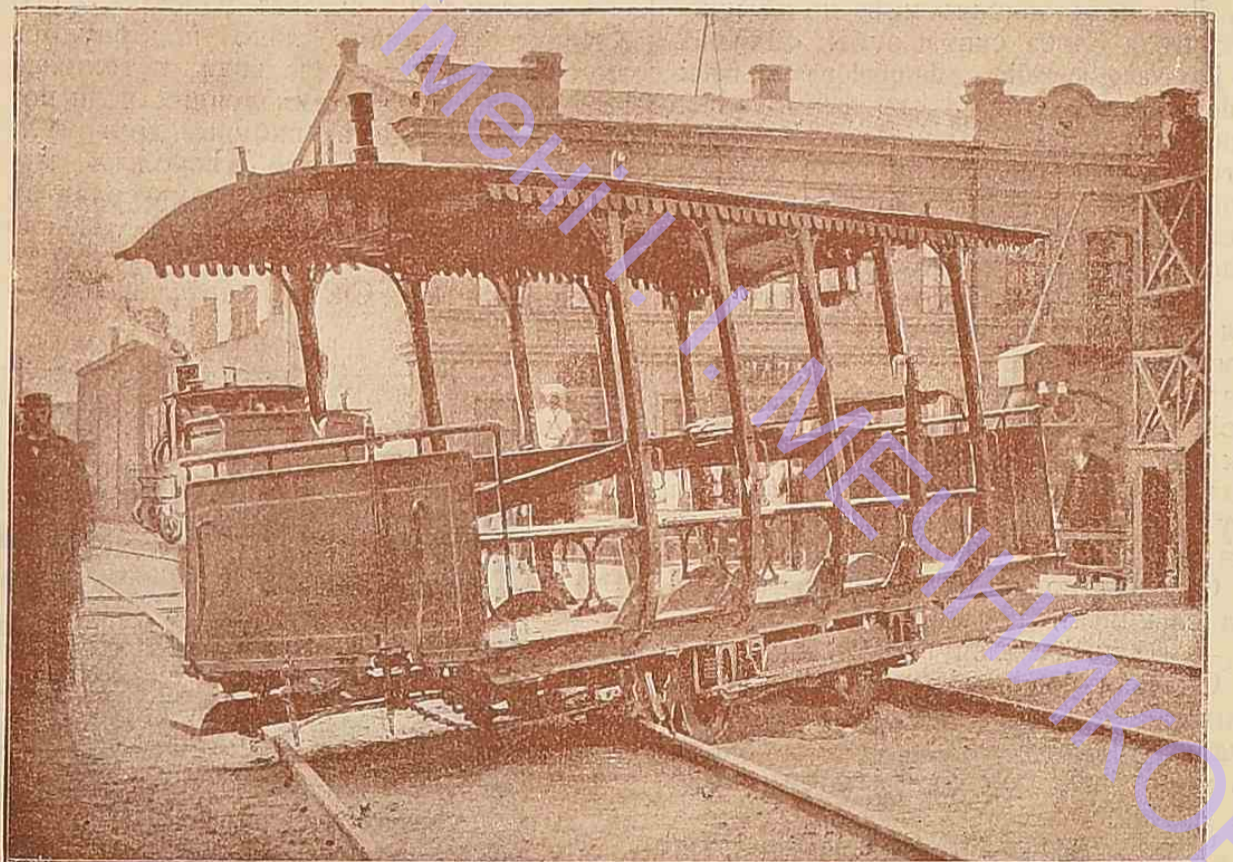
Гостиницы въ Швейцаріи. Всемъ извѣстно, что содержаніе гостиницъ составляетъ важнѣйшій промыселъ въ Швейцаріи. Но едва ли всѣ имѣютъ ясное представленіе объ экономическомъ значеніи этого промысла для страны. Economiste Français сообщаетъ по этому поводу интересныя данныя. Въ 1894 г. на горахъ и въ долинахъ Швейцаріи было 1,034 гостиницы постоянныхъ и 659 сезонныхъ, т. е. въ общемъ 1,693 учрежденія этого рода. Съ того времени число гостиницъ увеличи-

лось и много новыхъ открылось на вершинахъ, на которыхъ прежде туристы находили только хижины или простыя помѣщенія альпинистовъ. Въ томъ же 1894 году швейцарскія гостиницы получили валового дохода 114,333,744 фр., — цифра, дѣйствительно громадная, особенно если ее сравнить съ доходами федеральной республики, которые колеблются между 78 и 80 милл. Гостиницы имѣли 23,997 служащихъ, жалованье которыхъ,

не принимая во вниманіе того, что они получаютъ „на чай“, достигало 8,753,500 фр. Расходы гостиницъ, помимо жалованій, составляли 74 милл., изъ которыхъ 40 шло на кухню, 7½ на общія издержки, также на ремонтъ, 5½ милл. на отопленіе и освѣщеніе, а также на налоги, страхованіе и на объявленія. Въ результатѣ чистый доходъ въ 1894 году достигъ до 31,505,475 франк.

Одесса. — Катастрофа на Пересыпи. — Переездъ, гдѣ произошла катастрофа.

Одесса. — Катастрофа на Пересыпи. — Вагонъ «конки» послѣ катастрофы.

Съ фотогр. Балашева.

Автомилл „Од. Нов.“.